

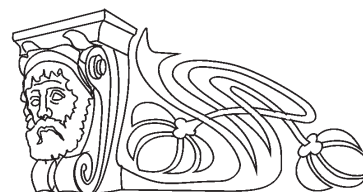
- ³ См.: Андреев А. Л. Становление гражданского общества: российский вариант. М., 1995. С. 22.
- ⁴ См.: Вебер М. Протестантский дух и этика капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- ⁵ См.: Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. И. И. Кальной. СПб., 2006. С. 84.
- ⁶ См.: Черных А. И. Гражданское общество в истории России // Гражданское общество: теория, история, современность / отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 1999. С. 75–77.
- ⁷ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 287.
- ⁸ Парамонов В. Н., Калягин А. В., Коротаева Т. В. Проблемы альтернатив в отечественной истории XIX–XX веков. Самара, 1992. С. 11.
- ⁹ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч.

УДК 321.01(510)

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ МО О ВЗГЛЯДАХ КИТАЯ НА СУВЕРЕНИТЕТ

Е. Г. Богданова

Европейский учебный институт при МГИМО (У) МИД РФ
e-mail: eka.jantoine@mtu-net.ru

В статье автор исследует изменения, происходящие в китайском дискурсе о суверенитете, сравнивает теоретические подходы к вестфальскому идеалу суверенитета на Западе и в Китае, анализирует влияние, которое оказывали исторические условия на понимание Китаем этой нормы международных отношений. Теперь, когда в соответствии с современной теорией международных отношений глобализация вынуждает государства пересматривать свой подход к государственному суверенитету, вызывают интерес пути, по которым идет Китай, чтобы найти компромисс между вопросами государственной безопасности и концепцией абсолютного суверенитета, с одной стороны, и необходимостью отвечать на глобальные вызовы, с другой.

Ключевые слова: суверенитет, вестфальский, Китай, дискурс, глобализация.

Modern IR Theory on Chinese Views on Sovereignty

E. G. Bogdanova

The author examines the changing Chinese discourse of sovereignty, compares Western and Chinese theoretical views on Westphalian ideal, analyses how the historical conditions in China influenced its understanding of this norm in international relations. Now that in accordance with the modern IR theory globalization makes states change their approach to the state sovereignty, it is interesting to see how China reaches a balance between the state security issues and the conception of absolute sovereignty, on one hand, and the necessity to answer to the global challenges, on the other.

Key words: sovereignty, Westphalian, China, discourse, globalization.

Китай часто рассматривают как последний бастион Вестфалии или поборника вестфальской концепции абсолютного суверенитета. Это вполне объяснимо: стремление китайцев закрепить в международной политике принцип приоритета национального государства прослеживается во всех внешнеполитических действиях КНР, будь то борьба за лишение легитимности далай-ламы,

тайваньский вопрос или притязания на владение островами в Южно-Китайском море¹.

В действительности понимание и практика суверенной государственности в Китае исторически были неполными, выборочными, инструментальными и даже противоречивыми. Современный китайский дискурс о суверенитете демонстрирует, что Китай начинает все более неоднозначно относиться к вестфальскому пониманию государственного суверенитета. Риторика Китая по поводу суверенитета и невмешательства во внутренние дела не допускает компромиссов и применялась для отстаивания Китаем своей позиции по Тайваню и Тибету и по правам человека. Но когда речь зашла о вступлении Китая в ВТО, китайское руководство пошло на политические и экономические уступки, что, по сути, нарушало его суверенитет. Защищая собственный суверенитет и территориальную целостность в 1950-х и 1960-х гг., революционный Китай без колебаний поддержал коммунистические восстания в Юго-Восточной Азии (ЮВА) и делал попытки экспортировать китайскую революцию в соседние страны.

Применение подобных отхождений от норм суверенитета говорит о двух вещах. Во-первых, государственный суверенитет как основной институт и идеал, созданный в Вестфале, видоизменялся в ходе государственной практики. Во-вторых, в то время как вестфальский идеал суверенитета продолжает существовать как системная черта современных международных отношений, на практике государства часто отходят от этого идеала. И Китай здесь не составляет исключения.

Принятие Китаем норм суверенитета в конце XIX в. было вызвано превращением его из империи в нацию-государство, и в этом историческом процессе имперский Китай слабо воспринимал вестфальскую систему международных отношений.

Двадцатое столетие для Китая – это век революций и реформ. Основу переустройства государства составили национализм и коммунизм, основательно трансформировавшие внутреннюю политику Китая и его международные отношения. Его интерпретация идеи суверенитета и практика суверенной государственности зависели от этого особого социального контекста.

В переосмысливании Китаем идеи и практики суверенитета как нормы можно выделить три подхода.

Первый подход – националистический. Его разделяли и националистическая, и коммунистическая революции. Это дискурс «века унижений», периода между 1840 г. («Опиумные войны») и 1945 г., когда Китай страдал от империалистической экспансии и захватов, когда неравноправные договоры и экстерриториальные права иностранных держав доминировали в его международных отношениях. Китай не был полностью суверенным до 1943 г., когда Великобритания и США отменили свои экстерриториальные права и привилегии в этой стране. Целью националистической и коммунистической революций было вернуть утраченные территории и восстановить полный суверенитет государства. После 1949 г. сохранение обретенной независимости как суверенного государства и его полноправное членство в международном сообществе приобрело такую же значимость, что и защита завоеваний коммунистической революции.

Второй подход можно назвать революционным. В 1949–1979 гг. Китай выступал за полную трансформацию существующей международной системы и отвергал роль международных институтов, в том числе и ООН. Он открыто противостоял как США, так и СССР. Китай поддерживал идею «мировой революции» и другие радикальные идеи в мировой политике. Его стратегия изменилась от «ворваться в систему» в 1950-х гг. до «разрушить систему» в 1960-х². Некоторые действия революционного Китая вполне подходили под определение Хедли Булла «бунт против Запада»³.

В 1960-е гг. в мире происходит то, что Дэниэл Пилбогг определяет как «революцию в суверенитете»⁴. Китай приветствует идеи равенства и законного требования независимости колониальными народами, оказывает поддержку принципу права наций на самоопределение и движениям за национальное освобождение в Азии, Африке и Латинской Америке. Он спонсирует и поддерживает коммунистические революции и вооруженную борьбу в разных частях света, особенно в Юго-Восточной Азии. Подобные действия, очевидно, противоречат принципу невмешательства во внутренние дела – фундаментальному вестфальскому принципу, принятому в международном сообществе, о принадлежности к которому заявляет Китай.

Третий подход – это подход реализма. Он определяется признанием Китаем точки зрения Гоббса на международные отношения. Китай

негласно признает разделяемую реалистами гоббсовскую логику, согласно которой государства движимы соображениями собственных национальных интересов, международная политика – это состояние войны всех против всех, и эта логика является частью анархии как системного атрибута международных отношений. Война – перманентная черта международных отношений. Государство, чтобы выжить, должно помочь себе само. Маячащая на горизонте угроза ядерной войны, а также территориальное соседство с двумя супердержавами выработали в Китае глубокое ощущение собственной небезопасности как революционной державы и как отдельного государства. В этой атмосфере заявления о священной природе абсолютного суверенитета стали главным принципом в защите государственности Китая.

Здесь пересекаются два подхода Китая к суверенитету – националистического и гоббсовского. Суверенитет и безопасность неразделимы. Должны быть не только удовлетворены все суверенные притязания, но и тщательно соблюдены суверенные права. Только сильное (в военном отношении) государство может эффективно обеспечивать безопасность. Приверженность этой позиции Китай подтверждает ежедневно, так что его растущая военная мощь вызывает серьезную озабоченность как США, так и стран, входящих в зону его экономических интересов, в первую очередь Индии, а также соперничающих с ним в Южно-Китайском море Вьетнама, Филиппин, Малайзии, Японии и Южной Кореи, которым Китай постоянно ее демонстрирует. «КНР производит и покупает в пять раз больше новых подводных лодок, чем США. Китайцы предусмотрительно сделали акцент на закупку морских мин, баллистических ракет, способных поражать движущиеся цели на море, а также аппаратуры, которая глушит сигналы, поступающие со спутников глобальной системы навигации, от которых зависят американские военно-морские силы»⁵. Готовность Китая применить силу в территориальных спорах привела к частым и длительным конфликтам и войнам с соседями. Утверждение, что Китай не только ревностный служитель *realpolitik*, но также хранитель вестфальских принципов, по-видимому, родилось из его решимости защищать свою территориальную целостность любой ценой в случае с Тайванем⁶.

Социальный контекст, в рамках которого в Китае имеет место дискурс о суверенитете, составляет революция. Китайские революции XX в., как националистическая, так и коммунистическая, по-прежнему объясняют легитимность и действия государства в основном в терминах охраны внешних суверенных притязаний Китая и защиты его территориальной целостности. Его восприятие нового подхода к суверенитету с точки зрения уважения прав человека отставало вплоть до конца 1990-х гг. Иными словами, Китай должен был «догонять» современный дискурс меняющейся

моральной цели суверенного государства. И, тем не менее, при том, что экономические интересы требуют от Китая адаптации своей политики к требованиям и ценностям сегодняшнего мира, он остается верным традиционным приоритетам безопасности и необходимости бороться с политическим вмешательством Запада в свои внутренние дела. События 1989 г. на площади Тяньаньмынь, повлекшие за собой санкции Запада против Китая, служат напоминанием Пекину о взаимосвязанности внутренних и внешних проблем, и руководство Китая все последующие годы реагировало на «осуждающее мнение Запада утверждением, что суверенные права государства важнее прав человека. Оно решительно отказалось принимать демократические институты западного типа и утверждало, что никогда не откажется от возможности применить силу в случае, если Тайвань попытается отделиться»⁷.

В 1978 г. состоялось открытие Китая миру, и тогда же китайское руководство начало проводить экономические реформы, осуществлять трансформацию государства и формировать его новую идентичность как современного и глобализованного. Китай приступил к постепенной адаптации к рынку и глобальному капитализму в своей экономической модернизации. История его экономического успеха демонстрирует не только то, как он приспособился к требованиям глобальной рыночной экономики, но и то, как он капитализировал возможности, открываемые глобализацией.

Вовлеченность Китая в глобализацию и трансформация китайского государства означают, что впервые китайские политики и эксперты смогли принять участие в глобальном дискурсе и дебатах по поводу суверенитета. Китайская социальная и интеллектуальная среда, в которой происходят дискуссии о нормах суверенитета, изменилась окончательно и бесповоротно. Важно отметить, что эти дискуссии происходят в период, когда вестфальские нормы суверенитета подтверждаются глобализацией испытанию на прочность и все это время Китай обсуждает, испытывает и принимает целый ряд глобальных норм как на международных форумах, так и внутри страны. Переосмысление Китаем суверенитета в теории и на практике можно лучше всего понять в рамках социального контекста ускоренной глобализации на рубеже XXI в.

Глобализация бросает политический и интеллектуальный вызов руководству и элитам в Китае, но не потому, что она воспринимается как результат развития глобальной капиталистической рыночной экономики, которую революционный Китай полностью отвергал, и не потому, что считается процессом, контролируемым развитыми экономиками, в частности США как основным ее выгодоприобретателем. Общее мнение в Китае таково, что глобализация разрушает государственный суверенитет, особенно

экономический, который страна так ревностно охраняет. Глобализация видится Китаю губительной для государственного строительства, она способствует экономической уязвимости. Участники дискуссии пытаются получить ответ на вопросы о соотношении китайского национализма и глобализации, оценить риск для Китая снова опуститься до статуса «полуколониальной» страны, исполняющей роль периферии в глобальном разделении труда, определить возможное влияние глобализации на китайские традиционные ценности и государственную идентичность.

Громкие эмоциональные дебаты по поводу противоречий глобализации в Китае – это сегодняшняя реальность его политической жизни. Существуют, однако, и доводы в пользу экономической глобализации. Мощные потоки капитала в Китай и рост торговли – два столпа успеха его стратегии экономического развития, и этот успех подводит к осознанию того, что он – победитель в глобализации. Важно и то, что китайское государство играет уникальную регулирующую роль в продвижении Китая по пути глобализации, и эта роль побуждает Китай принимать глобальные нормы и не сопротивляться трансформации государственной идентичности. Все больше глобализация воспринимается как историческая возможность не только для экономического развития Китая, но и для нового взгляда на государство как таковое. В этом смысле успех Китая как участника процесса глобализации, особенно в экономическом развитии, все больше побуждает к переопределению цели государства с точки зрения китайских элит, что приводит к оспариванию традиционных концептов суверенитета и способствует появлению все большего числа вариантов китайской практики суверенной государственности.

В вопросах, связанных с экономическим суверенитетом, Китай постепенно и осторожно продвигается сквозь многочисленные проблемы, находя необходимые компромиссы между традиционными подходами и требованиями сегодняшнего дня. Например, углубление экономических реформ и открытие страны для расширяющихся требований глобального капитала и инвестиций формулируются в терминах слияния с международными практиками, а не эрозии его суверенитета. Политика, направленная на поиск экономической интеграции Китая, которая предполагает ослабление суверенного контроля, считается необходимой как компенсация одного другим и обязательной в его стремлении к статусу великой державы. Экономическая взаимозависимость укрепляет, а не разрушает суверенитет страны. Эти выводы привели к тому, что Китай не явно, но решительно отказался от идеи абсолютного суверенитета в экономических вопросах.

Китай согласился на множество уступок в обмен на членство в ВТО. Четко предписанное следование графику диктует повестку дня реформ. Механизмы мониторинга можно рассматривать

как явное нарушение китайского суверенитета, понимаемого традиционно. В Китае нередко можно услышать заявления о «продаже интересов Китая Западу ради вступления в ВТО» (как когда-то в далекие 20-е гг. XX в. «общественное мнение» обвиняло Чжан Цзолина в том, что он «продал интересы Китая России»⁸). Однако в целом в Китае нет особых волнений по поводу явного компромисса в подходе к суверенитету и передачи части как политического, так и экономического суверенитета, предполагаемой при вступлении Китая в ВТО. Такой подход – свидетельство того, как далеко зашло переосмысление суверенитета, во всяком случае его экономической составляющей, китайскими элитами. Интересно отметить, что китайские аналитики со все большей убежденностью утверждают, что не экономическая глобализация как таковая ослабляет государственный суверенитет. Государственная политика в отношении активного участия Китая в экономической глобализации может как ослаблять, так и усиливать эффект, оказываемый глобализацией на суверенитет.

Вызов традиционному пониманию суверенитета имеет место также в ряде областей политической сферы. Во время последних дебатов о безопасности, особенно после истории с атипичной пневмонией, китайские элиты стали признавать, что новые глобальные проблемы, такие как защита окружающей среды, изменение климата, эпидемии, глобальный терроризм и международная преступность, – это вызовы не отдельным государствам, а всему мировому сообществу и человечеству в целом. Разрешение этих проблем требует консолидации государственной мощи и выхода за пределы государственного суверенитета. Поскольку государство ответственно за создание ситуации небезопасности, постольку оно и его суверенная практика должны подлежать контролю со стороны международного сообщества, Китай стал принимать участие в операциях ООН по принуждению к миру, изменяется его политика в отношении гуманитарных интервенций, он значительно смягчает свое отношение к принципу невмешательства как основополагающему принципу Вестфальского суверенитета. Недавнее принятие Китаем мультилатерализма как фундаментального института глобальной политики также говорит о новом понимании им суверенной государственности.

Вышеупомянутые дискуссии не переходят, однако, границ, в которых Китай готов подвергать испытанию традиционное понимание норм суверенитета. По вопросам, связанным с территориальной целостностью, в частности с Тайванем, Китай утверждает свой абсолютный суверенитет, и применение силы тут не подвергается сомнению.

В настоящее время в теоретических дискуссиях о суверенитете выделяются следующие два

момента: во-первых, внутри Китая имели место широкие дебаты по вопросам суверенитета, вызванные в целом глобализацией и освещенные глобальными дебатами и дискурсом. Во-вторых, вестфальское понимание суверенитета больше не воспринимается как само собой разумеющееся, даже во внешнем измерении, в китайском дискурсе. Иными словами, суверенитет сформулирован как проблема. Все более глубокая интеграция Китая в международное экономическое разделение труда привела к вариациям в практике суверенной государственности. Китай начал применять уступки своих суверенных прав как условие сделки, чтобы продвигать собственные национальные интересы. В новом неореалистском и неолиберальном понимании этой меняющейся практики суверенитета точкой зрения все больше становится утверждение, что «суверенитет больше не является синонимом национальных интересов, скорее он должен работать на благо общих национальных интересов, а не быть объектом защиты любой ценой»⁹. Это негласное признание того факта, что экономическая глобализация переконструирует суверенитет. Однако в китайском понимании смысл этих уступок – служить укреплению государства через укрепление экономики, а усилившееся государство послужит дальнейшему экономическому росту. Это взаимопереплетение политических и экономических целей отразило заявление, сделанное государственным советником Китая по внешним сношениям Дай Бингуо: «...прежде всего, политическая стабильность Китая, то есть стабильность руководства КПК и социалистической системы; далее, суверенная безопасность, территориальная целостность и национальная унификация и, наконец, устойчивое экономическое и социальное развитие»¹⁰.

Суверенитет, как он был определен Вестфалем, для Китая – неоднозначное понятие. Именно его неоднозначность и расплывчатость позволяют Китаю постоянно переосмысливать его значение со времен присоединения к международному сообществу во второй половине XIX в. Вариации и противоречия интерпретаций и практики суверенитета Китаем в международных отношениях невозможно объяснить, не принимая во внимание специфических исторических условий и социальной среды, в которой он взаимодействует с другими членами международного сообщества. И если в конце XIX в. у имперского Китая не было другого выбора кроме как принять правила, нормы и институты, определенные цивилизацией чуждым ему международным сообществом, основанным на Вестфальской модели, то в XXI в. переосмысление им вестфальского идеала должно стать частью процесса переопределения моральной цели государства, осуществляемого глобальным международным сообществом. В этом состоит сегодня фундаментальный вызов Китая.

Примечания

- ¹ Ло Б. «Постоянная перезагрузка» Китая // Россия в глобальной политике. Т. 8, № 5, сентябрь-октябрь 2010.
- ² Yongjin Zhang *Ambivalent Sovereignty: China and Re-Imagining the Westphalian Ideal, Re-Envisioning the Sovereignty. The End of Westphalia?* / T. Jacobsen, Ch. Sampford, R. Thakur. Ashgate, 2008.
- ³ Bull H., Watson A. (eds). *The Expansion of International Society*. Oxford, Clarendon Press. 1984.
- ⁴ Philpott D. *Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations*. Princeton NJ, Princeton University Press. 2001.
- ⁵ Каплан Р. Центральная арена XXI века. // Россия в глобальной политике. Т. 7, № 2, март-апрель 2009.
- ⁶ Yongjin Zhang *Ambivalent Sovereignty*...
- ⁷ Wang Jisi *China's search for a grand strategy 2011 Council on foreign relations*. URL: <http://www.ihavenet.com/World-China-Search-for-a-Grand-Strategy-Foreign-Affairs.html> (дата обращения: 15.06.2011).
- ⁸ Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом: документы, август 1923–1926 г. М., 2008.
- ⁹ Gill B., Reilly J. *Sovereignty, Intervention and Peacekeeping: The view from Beijing's*, 43. *Survival*. Vol. 42, № 3. Autumn, 2000. P. 41–59.
- ¹⁰ Wang Jisi *China's search for a grand strategy 2011 Council on foreign relations*.